
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

К.А. ПАХАЛЮК*

ОБРАЩЕНИЕ К ПРОШЛОМУ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (ПО МАТЕРИАЛАМ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ)

Аннотация. Рассматривая историческую память как дискурсивный феномен, автор изучает место «исторического аргумента» в том семиотическом пространстве, которое формируется вокруг деятельности Министерства иностранных дел России. Основной тезис заключается в том, что обращение к прошлому призвано придать моральное обоснование проводимой внешней политике, однако ввиду доминирования этики добродетели, а не универсальных принципов активность сосредоточена на подчеркивании роли России и ее достижений. Основное внимание уделяется борьбе против нацизма в годы Второй мировой войны, меньшее – роли спасителя (например, Русско-турецкая война 1877–1878 гг. за освобождение болгарского народа) или ответственного члена военных союзов в другие периоды (Наполеоновские войны, Первая мировая).

Ключевые слова: внешняя политика; политика памяти; дискурс; публичная дипломатия; постструктурализм; исследования памяти.

Для цитирования: Пахалюк К.А. Обращение к прошлому в контексте российского внешнеполитического дискурса (по материалам Министерства иностранных дел) // Политическая наука. – М., 2018. – № 3. – С. 291–314. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.12

* **Пахалюк Константин Александрович**, аспирант кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия), e-mail: kap1914@yandex.ru

Pakhalyuk Konstantin, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: kap1914@yandex.ru

© Пахалюк К.А.

DOI: 10.31249/poln/2018.03.12

K.A. Pakhalyuk

Historical memory in the foreign policy discourse of the modern Russia

Abstract. Considering historical memory as a discursive phenomenon, the author studies the place of the «historical argument» in that semiotic space that is formed around the activities of the Russian Ministry of Foreign Affairs. The main thesis is that the referring to the past provides a moral justification for the foreign policy pursued, but because of domination of the ethics of virtue, not of universal principles, activities in the field are focused on emphasizing the role of Russia and its achievements. The main attention is paid to the struggle against Nazism during the WWII, less afford are oriented on creating the image of savior (for example, the Russian-Turkish war of 1877–78 for the liberation of Bulgarian people) or the responsible member of military alliances in different historical periods (Napoleonic wars, World War I).

Keywords: foreign policy; politics of memory; discourse; public diplomacy; poststructuralism; memory studies.

For citation: Pakhalyuk K.A. Historical memory in the foreign policy discourse of the modern Russia // *Politica; science (RU)*. – M., 2018. – N 3. – P. 291–314. – DOI: 10.31249/poln/2018.03.12

О нарастающей значимости исторической проблематики говорит даже самый беглый тематический поиск по официальному сайту Министерства иностранных дел (<http://www.mid.ru>): в 2012 г. по запросу «истор*» находятся 492 новости, в 2013 г. – 493, в 2014 г. – 779, в 2015 г. – 715, в 2016 г. – 678, за 2017 г. – 747 новостей. Рубежным стал 2014 год, а именно события «русской весны», которые привели к некоторой идеологизации внешнеполитической риторики и усилению акцентов на применении «мягкой силы». Однако можно говорить и о влиянии внутривнутриполитических тенденций, а именно «консервативного поворота» [Бызов, 2015, с. 26–30], когда проблемам исторической памяти стало придаваться повышенное значение. Возрастающий общественный интерес к прошлому наблюдается не только в России: о «мемориальном буме» в странах Европы и Америки говорят с конца 1980-х годов. Он рассматривается как следствие трансформации институтов позднего модерна, когда утрата телеологической перспективы (крушение «больших нарративов», по Ф. Лиотару) восполняется повышенным вниманием к собственной истории [Ассман, 2017; Нора, 2005].

В России середины 2010-х годов историческое прошлое стало превращаться в одно из оснований макрополитической иден-

тичности, в своеобразную квазитрансценденцию (в той логике, которая развита в: [Каспэ, 2012]), позволяющую выработать язык разговора об общих ценностях и легитимировать современное политическое устройство, на что одним из первых обратил внимание Л. Бляхер [Бляхер, 2014, с. 74–76]. Например, в Стратегии национальной безопасности 2015 г. отмечалось: «Основой общероссийской идентичности народов Российской Федерации является исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей». В число таких ценностей входят «историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [Стратегия национальной безопасности, 2015]. Характерно, что центральное место в выступлениях президента В.В. Путина на историческую тематику занял тезис о непрерывной тысячелетней истории России, который в свою очередь отсылает к государствоцентричному нарративу [Малинова, 2015].

Подобное усиление значимости исторической памяти не могло не повлиять на формирование российского внешнеполитического дискурса, под которым мы понимаем совокупность речевых актов тех, кто облечен правом представлять Россию и выступать от ее имени. Тем самым производится автономное семиотическое пространство, обладающее внутренней связанностью и воспроизводящее определенную социальную онтологию. Именно здесь происходит саморепрезентация российской внешней политики как перед внутренней, так и перед внешней аудиторией, кристаллизуется желаемый образ страны, обосновывается проводимая стратегия, а также формируется коммуникативное пространство сотрудничества.

Цель статьи – рассмотреть, какое место занимает обращение к прошлому в рамках этого дискурса. Исходным является утверждение об эстетической (в духе Т. Иглтона, Ф. Анкерсмита и Г.И. Мусихина) роли обращения к прошлому, когда история задает дополнительное, ценностное, измерение внешнеполитическим событиям, отесняя узкую прагматичность и позволяя дискурсивно и перформативно установить связь с возвышенным [Eagleton, 2007; Мусихин, 2013, с. 14–44]. Хронологические рамки исследования – 2012–2017 гг., т.е. почти весь третий срок президентства В.В. Путина. Источниковую базу составили концептуальные внешнеполитические документы и различного рода материалы, публикуемые на сайте Министерства иностранных дел России. Поскольку именно

его сотрудники уделяют особое внимание формам репрезентации, мы полагаем возможным ограничиться этим кругом источников, отчетливо осознавая, что полномочиями в области международной деятельности обладают и иные федеральные и региональные органы исполнительной и законодательной власти.

Место исторической проблематики во внешнеполитическом дискурсе

Исследование мы полагаем необходимым начать с определения того, как именно тематизируется обращение к исторической памяти в основополагающих внешнеполитических документах. В соответствующей части Стратегии национальной безопасности история упоминается в контексте информационного противоборства на глобальной арене, озабоченность вызывают попытки «манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [Стратегия национальной безопасности... 2015]. В Концепции внешней политики 2013 г. историческая проблематика представлена в разделе «международное гуманитарное сотрудничество и права человека», причем она увязана с двумя направлениями: соотечественники (история как то, что связывает их с Родиной) и противодействие экстремизму. «Попытки переписать историю и использовать ее в целях нагнетания конфронтации и реваншизма в мировой политике» следуют сразу за такими явлениями, как «экстремизм», «неонацизм», «агрессивный национализм». В региональных приоритетах общее историческое наследие упомянуто в параграфе про СНГ, а «исторические корни» связывают Россию со странами Евро-Атлантического региона (п. 54) [Концепция внешней политики... 2013]. В Концепции внешней политики 2016 г. место «истории» фактически не изменилось [Концепция внешней политики... 2016].

Весьма скромное место историческая проблематика занимает в ежегодных документах об основных внешнеполитических событиях за год и внешнеполитических итогах. Так, из 21 основного внешнеполитического события в 2012 и 2013 гг. история фигурирует в двадцатом по счету, посвященном продвижению культуры. В 2014 г. история не упоминается, однако в «Основных итогах деятельности МИД РФ в 2014 году» в качестве достижения отмечено

внесение в ГА ООН проекта резолюции по борьбе с героизацией нацизма. В разделе II один параграф посвящен исторической тематике, а именно обустройству воинских захоронений за рубежом. В 2015 г. в «Основных внешнеполитических событиях» исторической тематике не нашлось места, а в 2016 г. она локализовалась в самом конце, в разделе про соотечественников. В 2017 г. из 12 пунктов история обнаруживается на предпоследнем месте, а именно в виде инициативы С.В. Лаврова на 72-й Генассамблее ООН «об обеспечении международно-правовых рамок против разрушения мемориального наследия» [Основные... 2018].

Разрыв между положением исторической тематики в основополагающих документах и выступлениях, с одной стороны, и увеличением частотности обращения к ней – с другой, требует объяснения. Оно, на наш взгляд, заключается в том, что историческая память лишь в отдельных случаях порождает собственные виды деятельности, в то время как обращение к ней происходит в рамках других мероприятий, добавляя им эстетическое – и вместе с ним ценностное – измерение. В конечном счете российская внешняя политика остается сугубо прагматичной, структурированной духом *realpolitik* не только по содержанию, но и по форме. Отсюда неготовность воспринимать ценности и «символические игры» всерьез и низведение их до уровня «мягкой силы», т.е. подчинение прагматическим задачам.

Сквозной анализ материалов с сайта МИД (по запросам «истор*» и «памят*») подтверждает, что историческая проблематика преимущественно входит в две категории: «информационные войны» и «гуманитарное сотрудничество». Тематически основная деятельность может быть сведена в следующие группы: военномемориальное сотрудничество, противодействие фальсификациям истории Второй мировой войны, коммеморативные мероприятия, привязанные к памятным датам, укрепление «русского мира» (развитие отношений с соотечественниками, включая казаков).

Анализ материалов сайта Министерства иностранных дел позволяет выделить общую структуру включения истории во внешнеполитическую повестку дня. Существуют даты, задающие регулярность обращения к истории. Наиболее значимы (в хронологическом порядке) День памяти жертв Холокоста (27 января), Сталинградская битва (2 февраля), День дипломатического работника (10 февраля), День защитника Отечества (23 февраля), День

космонавтики (12 апреля), День Победы (9 мая), День народного единства (4 ноября). Регулярными датами, когда памятные мероприятия проводят отдельные посольства, являются 3 марта (День независимости Болгарии), 4 апреля (День освобождения Братиславы), 1 августа и 11 ноября (годовщина начала и окончания Первой мировой войны).

Очевидно, что «исторический внешнеполитический календарь» структурирован национальными и ведомственными датами, преимущественно связанными с военной тематикой. Отметим также определенный европоцентризм историко-мемориальной деятельности, который лишний раз подчеркивает, что, несмотря на все конфликты, Россия продолжает позиционировать себя как часть европейской цивилизации. В определенной степени этому способствовали юбилеи трех крупных общеевропейских войн (Отечественная война 1812 г. и Заграничные походы, Первая и Вторая мировые войны), причем в каждом случае это позволяло говорить о роли России в спасении Европы.

Сравнительно меньшее внимание уделяется мемориализации представителей русской культуры и достижений в освоении космоса. Здесь выделяются фигуры А.С. Пушкина и Ю.А. Гагарина: практически каждый год в рассмотренный период им устанавливались памятники.

Мемориальная деятельность в основном сосредоточена на создании памятников военной славы и обустройстве военных захоронений. Кроме того, День памяти латышских легионеров (16 марта) и день подписания пакта «Молотова – Риббентропа» (23 августа) вызывают ответную реакцию российского МИД на заявления европейских политиков, которые признаются антироссийскими. Из всего перечисленного только 27 января и 11 ноября являются международными памятными датами, причем характерно, что в последние годы внимание к ним возрастает. Стоит отметить, что после 2014 г., когда активно проводились мероприятия к 100-летию Первой мировой войны, эта тема не выпала из поля деятельности государственных структур: российские представительства во Франции и в Латвии регулярно проводят те или иные памятные мероприятия.

Обращение к прошлому как артикуляция внешнеполитической идентичности России

Рассматривая внешнеполитический дискурс, формируемый различными публичными высказываниями представителей МИД, мы исходим из того, что именно в этом пространстве формулируется и (ре)артикулируется внешнеполитическая идентичность России. Основываясь на материалах 1990–2000-х годов, В.Е. Морозов [Морозов, 2009] выделил ключевые особенности, которые, как мы можем судить на основе нашей выборки, сохраняют актуальность и сегодня.

Ключевой структурой дискурса внешнеполитической идентичности является романтический реализм, который «как артикуляционная практика направлен на устранение дислокации¹ и конституирование политического сообщества как замкнутой, непротиворечивой структуры» [Морозов, 2009, с. 358]. Государство предстает как центральный субъект международных отношений, причем оно неотделимо от нации (понятой в примордиалистском духе) с естественными интересами и идентичностью [Морозов, 2009, с. 328–344]. Весьма показательно, что во всем отобранном нами материале с сайта российского МИД отдельные события, личности или действия, о которых говорят или которые увековечиваются, неизменно атрибутируются как представляющие современную Россию и составляющие ее символический капитал. И если, например, в отношениях с постсоветскими странами еще подчеркивается, что победа во Второй мировой войне была итогом совместных усилий, то во всех остальных случаях этот аспект опускается. Тем более подобная рефлексия не затрагивает другие периоды истории (например, Первую мировую, Русско-турецкую 1877–1878 гг. или Наполеоновские войны). Только в 2017 г. наметилась тенденция задействовать ресурс общей памяти для организации международного давления. Так, в конце декабря находящиеся в Праге послы России, Азербайджана, Армении, Беларуси и Казахстана направили коллективное письмо, в котором выразили про-

¹ В постструктуралистской теории дислокация подразумевает подвижность означающих структур, а устранение дислокации трактуется как стремление зафиксировать единственно верное значение.

тест против идеи переделать надпись на памятнике И.С. Коневу и упомянуть о его участии в «оккупации Чехословакии».

В меньшинстве и даже в определенной оппозиции к сложившейся гегемонистской артикуляции оказываются те, кто пытается поставить под сомнение тезис преемственности. Например, сенатор В.П. Лукин, который отмечал: «Экзальтация советской матрицы ощущается все сильнее и ведет зачастую к серьезным (которых вполне можно было бы избежать, а потому излишним) внешнеполитическим проблемам, когда Россия берет сама на себя ответственность за темные деяния советских времен, которые совершенно не касаются и не должны касаться современной России» [Лукин, 2017, с. 47–48]. Впрочем, даже в этом утверждении призыв дистанцироваться от определенных событий прошлого вовсе не связан с готовностью признать ответственность за него. Это отличает Россию от современной Германии, которая не просто сделала осуждение нацистского прошлого одним из элементов формирования позитивного образа за рубежом, но и превратила его в основу общеевропейской культуры памяти [Ассман, 2016, с. 169; Kucia, 2016; Levy, Sznaider, 2002]. Поскольку романтический реализм во многом определяет рассматриваемый дискурс, а Великая Отечественная война занимает в нем центральное место, то становится проблематичным отмежевание от некоторых сторон советского прошлого, которое в ряде стран Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии оценивается далеко не всегда положительно. Соответственно, формируется логика эквивалентности, когда антикоммунистические высказывания и жесты воспринимаются официальными структурами как антироссийские, а потому в случае ухудшения политических отношений (как с Украиной и Польшей в 2014–2017 гг.) их и воспроизводят для того, чтобы продемонстрировать неприятие российского внешнеполитического курса.

Другая особенность гегемонистского дискурса внешнеполитической идентичности – «дуализм» причинности, когда признаются «либо только прозрачные для самосознания акты, либо только вещи, «детерминированные извне», чаще всего экономически, любые явления и события, не вписывающиеся в рационалистическую парадигму, могут быть “укрощены” либо путем реификации культурных особенностей, либо благодаря классификации “отклонений” как проявления коррупции» [Морозов, 2009, с. 343]. В этом

контексте наделяются непрозрачной значимостью эти самые «культурные особенности»: официальные лица нередко пеняют «историческому Западу» на непонимание «исторических особенностей» стран Ближнего Востока (особенно Сирии), которое привело к столь тяжелой ситуации в регионе.

Точно так же история превращается в причину, объясняющую поведение государства на международной арене, а знание истории становится требованием для дипломатического работника. Показателен следующий пример: на замечание иностранного журналиста о том, что зарубежному наблюдателю сложно понять планы и перспективы России в глобальном масштабе, С.В. Лавров заявил: «Если кого-то волнуют те вопросы, которые вы сейчас озвучили, я советую почитать историю России. Тогда многое становится понятно» [Выступление и ответы на вопросы... 2016]. Естественно, это уход от ответа на вопрос, однако значение имеет сама форма ухода, а именно апелляция к тому, что действия России определяются (фундированы) самой историей, а ее знание позиционируется как политический ресурс.

Другая составляющая описываемого В.Е. Морозовым дискурса – секьюритизация идентичности (что в нашем случае проявляется в призыве защитить историю от фальсификаций), которая неотделима от проведения четкой границы между «своими» и «другими». Это наиболее заметно в попытках представить историю как поле «информационной войны»: в рамках этой концептуальной метафоры занимаемые позиции требуют отстаивания, в то время как попытка найти общий язык может быть воспринята как уступка и поражение. Логика «свой – чужой» в значительной степени структурирует отношение к исторической проблематике, делая проблематичным, например, доминирующее в Западной Европе отношение к мировым войнам как к трагедии. Любое упоминание о трагедии невозможно без указания на параллельный героизм русских (советских) солдат или же на «виновных».

Как писал В.Е. Морозов, враждебным Другим в рамках российского дискурса идентичности оказывается Запад, в то время как Европа разделяется на Европу «истинную» и «ложную». Так, впервые данная артикуляционная практика была применена к прибалтийским государствам в середине 2000-х годов, когда факты реабилитации нацистских коллаборационистов стали основанием для изобличения новых членов ЕС как «ложной Европы», в то

время как Россия позиционировала себя защитницей «европейских антифашистских ценностей». В дальнейшем в категорию «неправильной» Европы попала Польша. Та же дискурсивная практика с 2014 г. активно применяется и по отношению к Украине. Значимость событий Второй мировой войны для всей Европы является основанием используемого Россией символического ресурса, дающего возможность легитимно осуждать проявления экстремизма в странах Восточной Европы.

Обозначенные особенности дискурса структурируют внешнеполитическую идентичность России и, соответственно, то, каким образом происходит обращение к прошлому. С точки зрения выражения отношения к текущим событиям история обладает метафорическим значением, позволяя активировать игру эквивалентностей, морально обосновывающую проводимую политику или высказываемые оценки. Удивительно, но в отличие, например, от государственных телеканалов и изданий, представители внешнеполитического ведомства сравнительно редко используют историю в этой символической игре. Как правило, она ведется в рамках трех дискурсивных практик (помимо противопоставления «ложной» и «истинной» Европы).

Во-первых, упомянутая выше связка между знанием истории и проведением правильной политики позволяет актуализировать связку «знание – власть» и установить отношения эквивалентности между Россией и ее знанием истории, а также оппонентами и их незнанием, что укрепляет тезис об ошибочности их политики.

Во-вторых, активно заимствуются метафорические образы, касающиеся Второй мировой войны, которая предстает как борьба между абсолютным добром (СССР и союзники) и абсолютным злом (нацистская Германия и фашистский блок). Соответственно, героизация в Прибалтике и на Украине тех, кто служил в вооруженных формированиях Третьего рейха или воевал против Красной армии, рассматривается как проявление неонацизма.

В-третьих, устанавливается эквивалентность между забвением прошлого (борьбой против исторической памяти) и политической конъюнктурностью, сопряженной с негативными политическими последствиями. Наибольшую популярность приобрел тезис о росте правого популизма в Восточной Европе как результате «борьбы с коммунизмом». Впрочем, выстраивание подобной эквивалентности вряд ли может быть убедительным в глазах тех, кто не при-

держивается тезиса о конъюнктурном отношении к истории в странах Европы.

Подобные риторические тактики могут порождать различные символические пространства внутри России, служить укреплению представления об истории как общем фундаменте российской политики, однако в контексте внешнеполитического дискурса они вторичны. На наш взгляд, важнее определить, в рамках какой модальности происходит обращение к истории: это не просто один из видов деятельности, вокруг которой разворачивается сотрудничество, а то пространство возвышенного (эстетического, квазитрансцендентного), обращение к которому служит восполнению ценностного дефицита внешнеполитической риторики. Однако если, например, в контексте общеевропейской политики памяти апелляция к теме Холокоста служит обоснованию общеевропейских ценностей, а уже они лежат в основе общеевропейского политического проекта, то в случае с Россией это постоянное среднее звено фактически отсутствует. Историческое прошлое здесь самодостаточно, а обращение к нему призвано подчеркнуть роль России как глобального игрока. Однако за пределами остается рефлексия на тему того, убедительны ли исторические аргументы для внешней аудитории, имеющей собственные критерии морального суждения. Отсюда недостаток саморепрезентации, которая сводит обращение к прошлому к обоснованию «роли» и «вклада», а не использует его для моральных выводов или для демонстрации служения некоей трансценденции. В конечном счете здесь мы видим прямое влияние сложившегося еще в советское время доминирования этики добродетелей, а не этики принципов, когда вместо следования универсальным принципам мы имеем дело с «моралью уместного поведения», вдохновляемой примерами достойного действия (героизма) [Хархордин, 2011, с. 269–277].

Попытки придать российской внешней политике особое моральное измерение через обращение к прошлому мы разделяем на три вида. Во-первых, это перформативные действия, которые указывают на то, что мировая культура немыслима без России и ее исторического наследия. Это выражается в сотрудничестве с ЮНЕСКО, направленном на придание тем или иным географическим и историко-культурным объектам статуса «всемирного наследия». Например, в 2014 г. в этот список был внесен Болгарский историко-культурный заповедник (Татарстан). Другое направле-

ние связано с проявлением заботы по отношению к мировому культурному наследию. После землетрясения в итальянской Аквиле в 2009–2012 гг. Россия выделила средства на восстановление Дворца Ардингелли и церкви Святого Георгия [Брифинг... 2013]. В 2012 г. Россия выразила озабоченность тем, что в период гражданской войны в Мали исламистские организации взорвали часть объектов в древнем Тимбукту. Во время войны в Сирии Россия также неоднократно высказывала озабоченность состоянием руин древней Пальмиры. После ее освобождения в начале 2016 г. здесь был дан концерт Симфонического оркестра под управлением всемирно известного дирижера В.А. Гергиева, а в дальнейшем начались работы по реставрации. Этот символический жест привнес эстетическое, ценностное измерение в участие России в сирийской операции.

Во-вторых, в последнее время наметились попытки вписаться в формируемую общеевропейскую культуру памяти, в основе которой лежит память о Холокосте. Так, в 2014 г. Россия перевела 1 млн долларов в Фонд Аушвиц-Биркенау; тогда же Россия согласилась присоединиться к международному проекту по обновлению мемориального комплекса в Собиборе, лагере смерти, где в октябре 1943 г. советский лейтенант А.А. Печерский поднял успешное восстание. Однако Польша фактически заблокировала участие России в данном проекте, что вызвало объяснимую негативную реакцию. Однако если в Западной Европе доминирует трагический нарратив о Холокосте (акцент на страданиях и скорбь по жертвам, а также постановка проблемы своей ответственности за преступления прошлого), то в Восточной Европе он вытесняется трагическим нарративом о жертвах собственных наций (при этом вопрос ответственности за собственные преступления практически не ставится [см.: Миллер, 2016]), а Россия вписывает тему Холокоста в контекст героического нарратива с акцентом на борьбе против нацизма (и здесь Печерский предстает как ее символ) и роли Красной армии в спасении еврейства. При этом из дискурса исключается то, что практически половина (2,8 млн человек) убитых евреев были советскими гражданами, хотя это дает основания считать Холокост трагедией и российского народа.

В-третьих, указание на роль России в мире происходит через отсылку к военным победам, что направлено на формирование образа спасительницы европейской цивилизации, а также ответст-

венного члена международного сообщества, всегда выступавшего за укрепление военно-политической безопасности. Разгром международного агрессора Наполеона, спасение болгарского народа из-под османского ига, следование союзническим обязательствам Первой мировой и последовательное противодействие нацистской угрозе – все эти исторические сюжеты призваны убедить в том, что российская внешняя политика всегда следовала определенным «международным добродетелям». Так, в концептуальной статье министра С.В. Лаврова «Историческая перспектива внешней политики России» (март 2016 г.) уже в третьем абзаце дается краткий итог «четырех военных юбилеев» 2012–2015 гг. (победа над поляками в 1612 г., Отечественная война 1812 г., 100-летие Первой мировой войны и 70-летие Победы): «Если вдуматься, эти вехи недвусмысленно свидетельствуют об особой роли России в европейской и мировой истории» [Лавров, 2016]. Хотя подобные акценты зарубежным слушателем воспринимаются как проявление милитаризма, мы не можем сделать подобный однозначный вывод.

Этот дискурс структурировал и мемориальную политику 2012–2017 гг. по созданию новых «мест памяти», связанных с Россией. Если активизация процессов декоммунизации в странах Восточной Европы в виде сноса памятников воспринимается как попытка принизить роль России в мире [см.: Брифинг... 2017 а], то становится логичным закрепить ее посредством «монументальной пропаганды» за рубежом. Так, к 100-летию Первой мировой войны в Сербии был установлен памятник Николаю II (напротив президентского дворца в Белграде) как правителю, который вступил в войну, защищая Сербию; во Франции особое внимание было уделено «посланному на спасение» Русскому экспедиционному корпусу (в честь его солдат в общей сложности были установлены пять памятников и одна мемориальная доска). В рамках двусторонних отношений наибольшей интенсивностью отличаются те направления, где Россия может также заявить о себе как о спасительнице: в Чехии, Словакии, Польше, Сербии, Хорватии – освобождение от нацистской оккупации в 1945 г.; в Болгарии – освобождение болгарского народа во время войны с Турцией в 1877–1878 гг. Список примеров можно расширять и далее, что могло бы стать темой отдельного исследования, однако принципиально то, что в каждом случае речь идет не только о сыгранной роли, но и об определенных «внешнеполитических добродетелях»

(борьба против международного агрессора, защита «слабых», выполнение союзнических обязательств).

«Локусы» актуализации исторической тематики

Выше мы описали общие особенности обращения к прошлому в контексте внешнеполитического дискурса, однако сам он не разворачивается вне конкретного социально-политического контекста. Обилие высказываний не позволяет уделять внимание обстоятельствам появления каждого, однако прослеживается определенная регулярность обстоятельств обращения к прошлому. Эти обстоятельства мы называем «локусами» актуализации исторической памяти, в частности: юбилеи двусторонних отношений, комментарии, международные мероприятия.

Особенность юбилейного локуса заключается в том, что история превращается в некий благоприятный фон, демонстрируемый внешнему наблюдателю и направленный на формирование представления о «долгой традиции устойчивых отношений». Традиционно проводятся мероприятия (встречи, визиты, выставки и конференции) и публикуются материалы, связанные с юбилеем установления Россией дипломатических отношений с той или иной страной.

Локус комментария представляет особую дискурсивную практику, когда посредством официальных заявлений, озвученных сотрудниками Центрального аппарата МИД, происходит включение тех или иных событий, связанных с историей, в актуальный политической контекст. Тем самым осуществляется их политизация: они наделяются дополнительной символической значимостью, а заявленные интерпретации приобретают официальный статус. Сам жанр комментария предполагает краткость, отточенность формулировок при минимальной фактологии, а потому собственно история изгоняется из таких заявлений, уступая место перформативному утверждению отношения к ней. Например, в апреле 2012 г. посольство США в Эстонии опубликовало на сайте сообщение к «годовщине» рейда советских бомбардировщиков против нацистов, оккупировавших Таллин, в результате налета погибли мирные жители, что осуждалось в заявлении. Ответный комментарий назывался характерно: «Комментарий МИД России в связи с заявлением Посольства США в Эстонии, грубо искажающим историю

Второй мировой войны» [Комментарий... 2012]. Вопрос здесь не просто в разнице интерпретации, а именно в моральной оценке данного события.

В практике российского МИД большинство подобных заявлений касается проблематики демонтажа или осквернения советских памятников на постсоветском пространстве (чаще в Прибалтике, на Украине, в Польше, реже – в Грузии, Австрии, Болгарии, Греции) или же неоднозначных заявлений зарубежных политиков. В 2012 г. мы насчитали восемь таких заявлений (разделы официальных заявлений, комментариев и брифингов), в 2013 г. – шесть, в 2014 – 19, в 2015 – 20, в 2016 – 22, в 2017 г. – 65. Эта динамика отражает усиление политизации истории во внешнеполитическом дискурсе после событий 2014 г. на Украине, причина этого видится не столько в попытках официальных властей намеренно придать политическую значимость проблемам совместного прошлого, сколько в нарастании антироссийских настроений в странах Восточной Европы. Отсюда и участвовавшие случаи сноса памятников советского времени, а также увеличение количества актов вандализма. И если в Польше и на Украине проводится целенаправленная государственная политика по уничтожению тех памятных знаков, которые ассоциируются с советским прошлым, то в остальных случаях мы чаще имеем дело с деятельностью отдельных граждан или радикальных группировок. Причем стоит понимать, что производимые ими акты осквернения получают дополнительную символическую и политическую значимость, если становятся предметом специальных комментариев и заявлений МИД.

Третий локус использования прошлого связан с активностью России в рамках международных организаций, которые превращаются в площадки символической борьбы. Обращение к истории здесь двояко. Первая стратегия предполагает апелляцию к истории для обоснования собственной позиции, тем самым она становится частью символической игры. Например, на площадке ОБСЕ тематика осквернения советских памятников, фальсификации истории и проведения памятных мероприятий в прибалтийских странах (с 2014 г. и на Украине) используется для того, чтобы обосновать рост неонацистских настроений в ЕС, тем самым указав на то, что проблемы с правами человека существуют не только в России.

Другая стратегия направлена на принятие коллективных заявлений, которые бы отражали (пусть даже частично) официаль-

ную позицию относительно событий Второй мировой войны. Так, ежегодно в декабре на заседании Генассамблеи ООН по инициативе России принимается резолюция «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». В 2012 г. 41 государство выступило соавтором резолюции, 131 проголосовало «за», три (США, Канада и Палау) «против» и 53 воздержались. Уже в 2016 г. цифры были иными – 55 соавторов, поддержали 136 государств, против выступили две делегации (США и Украина) и 49 стран воздержались. В 2017 г. – 57 соавторов, 133 подписали, две против, воздержались 49. Как мы видим, в символическом плане России за последние годы удалось несколько укрепить свою поддержку.

70-летний юбилей Победы стал ключевым поводом для активизации деятельности по принятию соответствующих резолюций, заявлений и деклараций в рамках различных исполнительных структур СНГ (октябрь 2014 г.), ОБСЕ (декабрь 2014 г.), Совета Европы (март 2015 г.), ООН, ШОС (май 2015 г.) и ОДКБ (сентябрь 2015 г.). Любопытно, что если ключевым лейтмотивом деклараций, принятых Советом министров ОБСЕ и Генеральной Ассамблеей ООН, было сохранение памяти о трагедии войны [Памятная декларация... 2014], то в заявлении конференции высокого уровня ШОС победа связывалась с созданием ООН и призывом сохранения ее ведущей роли на мировой арене [Совместное заявление... 2015]. Обращение глав – государств СНГ [Обращение глав... 2014] и заявление глав государств – членов ОДКБ [Заявление государств – членов... 2015] во многом схожи, поскольку подчеркивают роль народов подписавших стран в победе над нацизмом и формировании существующей системы международных отношений, где ООН занимает центральное место. Принятый же конгрессом местных и региональных властей Совета Европы меморандум содержал в себе осуждение возрождения неонацизма и агрессивных националистических идеологий, а также призыв беречь память о подвиге и жертвах, противостоять осквернению памятников членам антигитлеровской коалиции [Меморандум... 2015]. В последовавшем комментарии МИД отмечалось, что «в документе выражается глубокая озабоченность попытками пересмотра итогов Второй мировой войны», что является явно расширительной трактовкой [О принятии... 2015].

В заключение стоит подчеркнуть, что выделенные особенности обращения к прошлому относятся исключительно к тому дискурсивному пространству, которое создается в ходе повседневной работы МИД. Поэтому его нужно отличать как от того семиотического пространства, которое сопровождает деятельность других участников международных отношений, включая общественные организации, так и от конкретной работы в области исторической памяти (установка памятников, обустройство захоронений, проведение открытых лекций, конференций и пр.). Однако именно на уровне внешнеполитического дискурса фиксируются ключевые значения, связанные с исторической тематикой, а включение в него каких-либо событий, тем или оценок повышает их символический статус. Печальная ирония заключается в том, что значительная часть деятельности в разных странах по мемориализации событий и созданию совместных пространств памяти остается незаметной, в то время как негативным сюжетам уделяется повышенное внимание.

Здесь мы выходим на более значимую проблему. В контексте внешнеполитического дискурса обращение к прошлому зачастую направлено на то, чтобы возвещать о достижениях России и ее вкладе в формирование стабильных международных отношений. История призвана играть роль квазитрансценденции, того возвышенного, которое как бы придается прагматичной внешнеполитической деятельности. Наиболее ярко это проявляется во время официальных визитов, когда открываются памятники или возлагаются венки. Однако сами эти жесты требуют расшифровки на уровне дискурса, и здесь оказывается, что собственно вопрос объединяющих ценностей обходится стороной, поскольку ввиду доминирования у нас этики добродетелей исторические сюжеты не нуждаются в расшифровке, в то время как в европейских странах доминирует именно этика принципов.

Список литературы

- Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
- Ассман А. Распалась связь времен? – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.
- Бляхер Л.Е. Искусство неуправляемой жизни. – М.: Издательство «Европа», 2014. – 208 с.

- Брифинг официального представителя МИД России А.К. Лукашевича / Министерство иностранных дел России. – М., 2013. – 19 апреля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/796340 (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой / Министерство иностранных дел России. – М., 2017 а. – 23 ноября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2979640 (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Бызов Л.Г. Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы // Общественные науки и современность. – М., 2015. – № 4. – С. 25–49.
- Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Второй международной конференции «Средиземноморье: Римский диалог», Рим, 2 декабря 2016 года / Министерство иностранных дел России. – М., 2016. – 2 декабря. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2544495 (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Заявление государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности, Душанбе, 15 сентября 2015 года / Министерство иностранных дел России. – М., 2015. – 22 сентября. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/-/asset_publisher/r17Fzr0mbE6x/content/id/1761146 (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Каспэ С.И. Политическая теология и nation-building: Общие положения, российский случай. – М.: РОССПЭН, 2012. – 191 с.
- Комментарий МИД России в связи с заявлением Посольства США в Эстонии, грубо искажающим историю Второй мировой войны / Министерство иностранных дел России. – М., 2012. – 16 марта. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/164794 (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Концепция внешней политики Российской Федерации. – М., 2016. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Концепция внешней политики Российской Федерации. – М., 2013. – 12 февраля. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkBV6BZ29/content/id/122186 (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Лавров С.В. Историческая перспектива внешней политики России. – М., 2016. – 3 марта. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2124391 (Дата посещения: 13.01.2018.)
- Лукин В.П. Внешнеполитический курс постсоветской России: В поисках идентичности // Международная жизнь. – М., 2017. – № 1. – С. 47–48.
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: РОССПЭН, 2015. – 207 с.
- Меморандум в связи с 70-й годовщиной Победы над фашизмом / Министерство иностранных дел России. – М., 2015. – 31 марта. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/akkred/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/1125959 (Дата посещения: 15.02.2018.)

- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития*. – М., 2016. – № 1. – С. 111–121.
- Морозов В.Е. Россия и другие. Идентичность и границы политического сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 654 с.
- Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – 288 с.
- Нора П. Всемирное торжество памяти // *Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа* / Ред.-сост. М. Габович. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 391–402.
- О принятии на 28-й сессии Конгресса местных и региональных властей Совета Европы Меморандума в связи с 70-й годовщиной Победы над фашизмом / Министерство иностранных дел России. – М., 2015. – 31 марта. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/k-70-letiu-pobedy-v-velikoj-otechestvennoj-vojne/-/asset_publisher/fTsGoCvQTjkk/content/id/1125748 (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Обращение глав государств – участников Содружества Независимых Государств к народам государств – участников Содружества и мировой общественности в связи с 70-й годовщиной Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов / Исполнительный Комитет СНГ. – Минск, 2014. – 10 октября. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=19170> (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Основные внешнеполитические итоги 2017 года / Министерство иностранных дел России. – М., 2018. – 25 января. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3034243 (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Памятная декларация министров о 70-летию окончания Второй мировой войны. – Базель, 2014. – 5 декабря. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/cio/132726?download=true> (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Совместное заявление Конференции высокого уровня «Безопасность и стабильность в регионе ШОС» / Министерство иностранных дел России. – М., 2015. – 4 июня. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/1386255 (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2015. – 31 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1> (Дата посещения: 15.02.2018.)
- Хархордин О. Основные понятия российской политики. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 328 с.
- Eagleton T. *Ideology. An introduction*. – L.; N.Y.: Verso, 2007. – 242 p.
- Feierstein D. *Genocide as social practice*. – New Brunswick: Rutgers univ. press, 2014. – 288 p.
- Kucia M. The europeanization of Holocaust memory and Eastern Europe // *East European politics and societies and cultures*. – L., 2016. – Vol. 30, N 1. – P. 97–119.
- Levy D., Sznajder N. The Holocaust and the formation of cosmopolitan memory // *European journal of social theory*. – L., 2002. – Vol. 5, N 1. – P. 86–106.